ПИСЬМА ИЗ БРИГАДЫ

2. РУКОВОДИТЕЛЬ

МАСТЕР И КОЛЛЕКТИВ

РАССКАЗ о людях бригады надо начинать с ее «головы». А о мастере рассказывать всегда нелегко. Тому есть много причин.

Командир производства среднего звена. Эти слова имеют богатый смысл. Мастер — полномочный представитель администрации, и с этой точки зрения его долг — добиваться, чтобы коллектив выполнял задания. К этому стремятся все мастера. Но не все одинаковыми путями, и не все успешно.

С другой стороны, мастер из руководителей ближе других стоит к рабочему. Ему больше любого другого положено знать о своих людях, их сильных и слабых сторонах. И сильные сделать еще сильнее, а слабые пригасить — так, чтобы они не мешали делу. А лучше, чтобы таких качеств осталось как можно меньше. Трудно сказать, чего в таком случае больше должно быть у мастера — от администратора или воспитателя.

Начиная свой путь, мастер наверняка задумывается, каким должен быть его подход к людям, как должны выстраиваться его взаимоотношения с рабочими. С учетом своей роли, своей доли ответственности каждый избирает свой путь, свой вариант поведения.

Бывает и так, что человек остается самим собой, не надевая маску «строгого» или «мягкого» мастера. Как это было у Валерия Ивановича Назарова.

Не так давно его называли просто Валерой. Было ему тогда 25, и он впервые переступил порог цеха. «Цех ремонта металлургического оборудования № 2» — прочитал на табличке у подъезда бытовых. С тех пор не одну тысячу раз переступил он этот порог, не одну тысячу раз вошел в станочное отделение.

Начинал токарем. В 1969 году, встав к станку, выточил первую деталь. А сколько тысяч их было потом! Работал, набирался опыта, но все время чувствовал — маловато знаний. А ведь уже был среди самых первых в цехе отмечен званием отличника качества и справедливо считался одним из ведущих токарей.

Тогда перед ним открывалось два пути. Можно было и дальше совершенствоваться в избранном деле, достичь больших высот, стать асом токарного дела. А можно было работать и пополнять багаж знаний, чтобы со временем иметь право и возможность влиять на дела всего коллектива.

Назаров избрал второй путь.

Без отрыва от производства он поступает на вечернее отделение индустриального техникума. В 1977 году успешно заканчивает курс обучения и получает диплом техника-технолога. И продолжает работать на прежнем месте. В том же году Назаров назначается мастером станочного отделения ЦРМО № 2...

На первых порах молодому мастеру очень неуютно иной раз приходилось среди вчерашних соседей по станку. Надо было давать задания, а ведь не все они одинаково интересны да и, по правде сказать, выгодны. Кое-кто стал обижаться на мастера. Но время шло, характеры узнавались все лучше. Стало понятно, что Назаров не путает личные отношения с производственными, что его симпатии и антипатии определяются своим собственным отношением к делу. Да и задания он старается распределять так, чтобы по возможности всем пришлось поработать не только с выгодными, но и «убыточными» деталями.

Справедливость. Это качество люди распознают быстро. Справедливый мастер Назаров, специально не обхаживая никого, не заискивая перед маститыми токарями, скоро завоевал прочный, подлинный авторитет и уважение в бригаде. Началось формирование коллектива.

Валерий Иванович говорить речи не любит. В правильности своего решения, задумки он убеждает делом. Так было и тогда, когда в бригаде стали внедрять подрядную форму организации труда. Специалисты объяснили, что это такое, показали, какие преимущества получает весь коллектив и каждый из него в отдельности. Были у станочников и сомнения. Но Назаров решил — надо попробовать. А внести свои дополнения и предложения по ходу дела сможет каждый.

Стали работать по-новому. Разбили бригаду на звенья, которые возглавили лучшие токари. Создали совет бригады. Теперь уже он стал распределять задания, а мастеру осталась роль советчика. Он подсказывает, кому из молодых станочников можно дать дело посложнее — надо, мол, приучать парня к ответственной работе.

Осталось за мастером и многое другое. Те же сменно-встречные собрания. У Назарова они проходят по-своему. Мастер называет задание на смену, рассказывает, как идут дела у каждого звена: кто впереди, а кто отстает. Это тоже была его идея — соревнование между звеньями внутри бригады. Одно дело — «внешние» соперники, которых и в лицо-то не всегда знаешь. О результатах соревнования с ними узнать можно в начале следующего месяца, и действенность такого соперничества уже не та. Работаешь весь месяц вслепую.

Другое дело — соревнование с товарищами по бригаде, когда все на виду друг у друга. Тут есть и наглядность, и действенность, и возможность повторить лучший опыт. А гласность — ее обеспечивает мастер. На каждом сменно-встречном собрании. Но завоевать звание лучшего звена не так просто — звеньев пять, и люди в каждом достаточно опытные. Зато интерес к работе у всех совсем иной. Отсюда идет и снижение выхода вторых сортов, и отсутствие брака — стыдно перед товарищами работать скверно!..

Трудиться хорошо в бригаде Валерия Ивановича Назарова — это еще не все. Бригада шефствует над школьниками, и это не простая формальность. Представители коллектива бывают на всех мероприятиях в подшефном классе — теперь уже он будет десятым. А начинали дружить с пятиклашками... В бригаде знают обо всех удачах и промахах школьников, а те — о делах станочников. Бригада сохраняет связи с теми, кто ушел на службу в армию: солдаты пишут, как им служится, вспоминают цех и свой коллектив, а из бригады идут подробные «отчеты» о делах и жизни коллектива. После службы многие ребята возвращаются к своему станку.

Так повелось с первых месяцев создания бригады и «виной» тому — Назаров. Мелочи, которые прямо не влияют на дело? Вряд ли. В коллективе считают иначе, и это верно. Да и факты — в пользу мнения бригады. На протяжении 1981—1982 годов коллектив не раз добивался первенства по цеху, а сам мастер — удостаивался звания лучшего по комбинату.

За эти годы он стал коммунистом, закончил вечерний университет марксизма-ленинизма, стал лауреатом юбилейной премии и отличником социалистического соревнования Министерства черной металлургии СССР.

Так что «голова» у бригады — надежная. Думается, едва ли надо было задавать Валерию Ивановичу вопрос: правильно ли он сделал свой выбор?..

Ю. СКУРИДИН.

Коллектив цеха эмалированной посуды производства товаров народного потребления выпускает продукцию, идущую на удовлетворение потребностей населения нашей страны, а также в различные зарубежные страны. Здесь, рядом с ветеранами цеха, трудится молодежь, которая вносит весомый вклад в выполнение заданий и повышенных социалистических обязательств.

В числе тех, кто успешно несет трудовую вахту в честь Дня металлурга, эмалировщица комсомолка Винера Сабирова. Звено, в котором работает ударник коммунистического труда В. Сабирова, ежемесячно перевыполняет задания на 15—17 процентов.

На снимке: эмалировщица В. САБИРОВА за работой.

Фото Н. Нестеренко.

КАЛЕЙДОСКОП «МЕТАЛЛУРГА»

Электростанция в валке

Технологи недаром называют иногда наш век веком сверхрежимов: колоссальных значений достигли рабочие скорости, температуры, нагрузки. Но ведь и сегодняшние режимы — не предел. Значит завтра, когда скорость прокатки станет еще выше, а стальные заготовки, попадающие в объятия прокатных валков, толще, понадобятся большие усилия для сжатия металла, и рабочие клети прокатных станов окажутся величиной с высотное здание? Не мудрено, что ученые и конструкторы постоянно ищут такие пути, которые позволили бы приостановить «акселерацию» технологических агрегатов.

Интересную идею предложили специалисты по обработке металлов давлением Института металлургии имени А. А. Байкова АН СССР. В чем же суть этой идеи?

Известно, что при нагревании металл расширяется. Но зажатый, словно в тиски, прокатными валками металл лишен возможности поступать так, как того требуют законы природы. И тогда возникшие в нем напряжения порождают силы, направленные в глубь заготовки, т. е. действуют как бы заодно с прокатными валками. Иными словами, металл начинает сжимать себя, тем самым облегчая задачу, стоящую перед валками. Но чтобы это произошло, нужно нагреть металл непосредственно в зоне деформации. Такие функции мог бы взять на себя электрический ток, правда, нужен ток в миллион ампер.

Если получение столь сильного тока не представляет трудностей для современной электротехники, то передача его на вращающиеся с огромной скоростью валки — проблема, сегодня вряд ли разрешимая. Ведь никакие скользящие контакты не смогут работать в таких адских условиях. Тогда-то и возникла смелая мысль: вмонтировать в тело валка электромагнитные обмотки, превратив его тем самым в якорь униполярного генератора, способного рождать токи колоссальной силы.

Разумеется, это не могло не усложнить конструкцию валка, но эксперименты убедили ученых в том, что игра стоит свеч.

Оказалось, в частности, что там, где в металле имеются микротрещины и поры, неизбежно возрастает плотность тока, следовательно, эти участки сильнее нагреваются, металл здесь становится более пластичным, благодаря чему легче воспринимает усилия деформации.

Александр ЛОЗНЕВОЙ

„КРЕПОСТЬ МАГНИТНАЯ“

Главы из нового романа

(Продолжение. Начало в № 62—68)

— Какого? — переспросил директор.

— Я сказал ясно — броневого! Стан перебрасывается из Мариуполя. Когда это случится, ни я, никто иной не скажет. Но как только он прибудет, надо в срочном порядке приступить к его монтажу с тем, чтобы как можно скорее начать выпуск броневого листа.

Поразило не то, что прибудет стан, а то, что его демонтируют. «Значит, там, в Мариуполе, небезопасно... Значит...». Нарком прервал его раздумья и еще раз напомнил о правительственном задании, которое, как он сказал, поручается молодому заводу вовсе не случайно.

Директор было заикнулся о том, что с такой продукцией, как танковая броня, он пока не имел дела.

— Знаем, что не имел, — оборвал нарком. — Поэтому и говорим: готовьтесь! Дать броневой лист сможете только вы. Помните, выполнить это задание, кроме вас, некому. Все надежды на вас.

Голос умолк, а директор все держал трубку, казалось, нарком что-то скажет еще, может, самое главное, посоветует, как лучше справиться с этим, на первый взгляд, очень сложным и трудным заданием. Наконец положил трубку, потянулся к стакану — чай был холодным.

Раздумья о сотворении брони не давали покоя. Где, на какой производственной площади придется ставить эвакуированный стан? Во всех прокатных цехах стесненность. И если бы не война, то директор, наверное бы, поднял вопрос о реконструкции отдельных участков, частичной их перестройке.

Однако где разместить стан?

Для решения этой проблемы был поднят весь инженерно-технический персонал. Возникло несколько проектов, предложений. Каждый из авторов стремился помочь дирекции завода выйти из такого затруднения.

На очередном совещании, которое состоялось через день, разгорелся спор, на каком варианте остановиться? Куда, в какое место приткнуть эту махину, которая, наверное, уже находится в пути. Совещанию отводилась нелегкая роль — рассмотреть самым тщательным образом все варианты, проанализировать, выбрать из них самый оптимальный.

Выступающие не один раз скрещивали мечи критики, доказывали, спорили, в результате чего некоторые проекты и предложения тут же теряли цену, отпадали как непригодные.

В разгар дискуссии в кабинет директора вошел усталый, чем-то озабоченный заместитель главного механика молодой инженер Николай Рыженко. Он немного опоздал и поэтому не стал проходить на свое место, примостился у входа, как бы стараясь остаться незамеченным. Но директор уже заметил его. Об инженере Рыженко у него свое, особое мнение: волевой, незаурядный специалист, рационализатор, хорошо знающий все уголки завода. Кто же, как не он, посоветует, где, под какой крышей разместить стан, чтобы он не мешал нормальному производству.

— Николай Андреевич, — сказал директор, — ваше мнение.

Рыженко поднялся, заговорил глухим голосом:

— Где бы мы его ни поставили, он все равно будет не на месте. Да и монтаж его отнимет у нас уйму времени, а времени у нас нет. Кроме того, вы слышали сводку? На фронтах очень тяжело... Все это...

— Что?! — поднялся директор.

Он не думал, не предполагал даже, что передовой, уважаемый всеми инженер впадет в панику, заговорит о вещах, которые в данном случае совершенно неуместны. Еще этого не хватало, чтобы работники завода начали ревизировать решение Москвы! Приказано найти место, значит надо найти, и никаких разговоров! Но директор ни одного из этих слов не произнес, лишь подумал. Постояв немного, опустился в кресло. А Рыженко как ни в чем не бывало, спокойно, не торопясь, продолжал излагать свои мысли.

— Я твердо уверен, — неожиданно заявил он. — Мы можем получить броневой лист гораздо быстрее и в большем количестве...

— Каким образом? — почти выкрикнул директор.

Дверь отворилась и в ней появился референт. Он быстро подошел к директору и что-то тихо сказал ему. Рыженко умолк. А директор оживился, видать, речь шла о каком-то важном деле. Чуть привстав, он решительно произнес:

— Передайте от моего имени, согласен!... — И опять к Рыженко. — Значит, говорите, быстрее и в большем количестве? Что ж, интересно, послушаем.

Рыженко чуть закинул назад голову — молодой, красивый, куда и усталость девалась!

— Я предлагаю катать броню... — он сделал паузу и с каким-то особым пристрастием завершил, — на блюминге!

— На блюминге? — тотчас ухватился за слово Сарматов. Как? Почему?..

— Аркадий Глебович, скажете потом, — тотчас вмешался директор. — Прошу, не перебивать. Говорите, Николай Андреевич!

Продолжение следует.